

Крылатые гусары

Аннотация

Горит закат. Строй прорван, поражение неизбежно. Ружьё и ствол орудия никнут под натиском полчищ Сомбры... И лишь крылатые гусары не смеют дрогнуть в своей обречённой атаке.

Автор: [Rune Soldier Dan](#)

Перевод: [Doof.Ex.Machina](#)

С небес, на ангела крылах

Первое воспоминание. Первое осмысленное, если точнее.

Сильные ноги жеребца, кого она вскоре научиться звать «отцом». Обвилились вокруг хрупкой грудки, держат у самого края облака. Она – пегас, как и он, но не как мама. Девчушке тяжело летать.

— Что ты видишь? — голос, наследие предков, рокошет мощью тверди.

Вопрос вызывает в памяти простецкие слова и землистый запах. Она морщит тёмно-синий, как у отца, носик.

— Крестьяне, — щебечет она. — Наши.

Отец сердито фыркает, сбивая кобылку с толку. Ещё не выучила подходящих слов, но порядок уже знает. Ходячие пони копаются в земле – летающие правят. Её друг Ив говорит, ещё бывают рогатые пони, но он такой выдумщик!

— Нет, — поясняет отец, — не они наши, это мы – их.

Бессмыслица какая-то. Но она же послушная кобылка, а потому молчит. Отец подносит её ближе к краю. Она приглядывается: пони на земле тянут сохи, смеются, сплёвывают махорку.

Она хмурится, а отец продолжает:

— Храни их, оберегай. Иначе ты мне не дочь.

* * *

Отец умел говорить правильные слова. Старая могила давно поросла цветами, однако в ушах по-прежнему звенел отчий голос. Суровое напоминание о бремени, столь же истинном и тяжком, сколь доставшаяся ей корона.

— Зефир! — позвал голос, перекрикивая глухие хлопки ружейного огня.

Синие уши встрепнулись, но она не обернулась. Рядом со вздохом облегчения приземлился салатного цвета жеребец, продавив облако весом брони.

Ив, или «Плачущая Ива», как говаривали непутёвые языки. Чистокровный пегас, только ростом и силой не вышел да всегда говорил как-то боязливо, за что и заслужил себе прозвище.

Она б обозвала его похуже за то, что побрезговал её титулом. «Королева» Зефир, государыня Хоршавская, досточтимая седьмая среди многих монархов Эквестрии, маршал крылатых гусар – ещё живых четырёх сотен.

— Что нового? — поинтересовалась она с холодным безразличием. Они когда-то были друзьями. Давным-давно.

— Дурно, сами знаете, — простонал Ив, шмыгнув носом. — Вторая Нейагара, только вместо Солнечной гвардии рекруты из Троттингема.

Зефир прищурилась: трудно разобрать, что к чему, когда поле боя затянуто пороховым дымом. Может, это всё просто нытьё Ива?..

...Да тартара с два. Зефир отчётливо понимала суть. Со вторжения Сомбры минуло восемнадцать месяцев, и ничего не поменялось ни на йоту. Бой – разгром. Бой – разгром. Ванхувер, Хейссия... Хоршава. Ещё больше мелочи. Она сбилась со счёта.

Не стоит об этом думать. Трагедии не прекратятся, у гусара же дело нехитрое: скачи храбро, умри в дыму. Мир сильно изменился с отцовых времён.

Чудную тропу избрала Зефир: она наблюдала за прогрессом, размышляла над его сутью, но ненавидела с силой всех прожитых лет. И какая хитромудрая нынче стала война: ружья, пушки, крепящиеся к ногам пегасов пистолы. Когда сражения выигрываются не удачным наскоком, а тысячами солдат, мощёными дорогами и кораблями. Когда единственное, что осталось святого, – это возвышенность, с которой сыплется огненный град из ружей и артиллерии. Когда десять тысяч крылатых копыеносцев становятся бледной тенью прошлого.

Смешки Лунных гвардейцев, проверяющих пороховницы. Издевательские перешёптывания черни из Мэйнхеттена. Даже озлобленные взгляды – от пони любой расы.

Все видели, как над земными пони властвуют пегасы, слышали, как холопы зовут гусаров «архангелами», и слали Хоршаве проклятья. Дикость времён той старины, когда бал правили суеверия и племенные устои.

Дураки. Но про это сразу позабыли, когда армии Сомбры подступили к Кантерлоту.

И всё же нельзя верить Иву на слово. Быть может, Троттингем побеждает и ещё отбросит наглецов из Кристальной империи? Тогда, если враг побежит, налёт с воздуха хорошенько их проредит.

Надежда слабая, но всяко лучше, чем совсем ничего.

— Собирай солдат, Плачущая. Построимся здесь.

Ив вспыхнул и поморщился, но подчинился беспрекословно. Соберутся минут через пятнадцать-тридцать. Дольше обычного, но делу ничем не поможешь. Им надо рассеять порядки, иначе налетят пегасы Сомбры. При виде клина кристальные окружают их и обстреляют из карабинов: ни тебе доблести, ни силы.

В нынешние дни только и нужно, что рациональный расчёт. И сколь бы ума ни отрастили себе эквестрийцы, у легионов Сомбры его было поболее. Шлемы с кристальными рогами, дарующие магию; безупречные построения, выпускающие по две-три пули в ответ на одну. Они были солдатами. И против них Эквестрия выставила студиозусов, крестьян и нелепых латников. Вроде её крылатых гусар. Или пранцузских рыцарей. Пранцузы, в сверкающих латах, воздев мечи, браво бросились в атаку на имперцев. Говорят, некоторым даже удалось добежать до вражьих шеренг. Правда, в пороховом дыму трудно сосчитать сколько.

Случилась первая трагедия.

О звёзды, какая отвага! Но не осталось в мире справедливости: рациональность и пушка расстреляли всю отвагу издали.

Зефир же похвастаться храбростью не могла. Под Нейагарой, где отгремела вторая трагедия, уже обе армии устремились к заветным возвышенностям. Зефир всё видела: гвардейцы вырываются вперёд, врезаются в имперские ряды, удерживают их аж полдня. Ну и зрелище вышло б, право слово: эквестрийцы быют кристальных на дальних подступах!

Не так всё должно было кончиться. Генералы медлили, а шесть часов без подкреплений — слишком непозволительная роскошь. Основные силы доползли до высот уже под прицелом артиллерии Сомбры, ну и дальше всё как по отработанной пьесе. Бой — разгром.

Гусары даже не ринулись в атаку. На приступ пошли пранцузы, храбрости им было не занимать. Зато Зефир, дискорд раздери, хватало рациональности — хватало, чтоб не забыть кровавую работу арифметики.

— Арифметика, — тонко улыбнулась она. Арифметика прямо как судьба — один ответ на все вопросы.

Улыбка растаяла. Судьбу не обманешь, да? Та же самая гонка, тот же финал. Обе стороны, послав авангард выкупить время, спешат занять бесценный пригорок. Только сегодня вместо гвардейцев полки Троттингема.

Исход всё равно один. Троттингемцы дрогнут, побегут. Чья ж вина, что против них выступили все полчища Сомбры? Один прутик против цельной метлы. Высота достанется имперцам, и эквестрийскую армию возьмут в клещи. Третья трагедия.

А четвёртой уже не бывать, ведь за спинами у них Кантерлот.

Дым потихоньку рассеивался, хлопки ружей звучали всё более разрозненно. Зефир присмотрелась: по одному, по двое, но троттингемцы в ярко-красной форме откалывались от неровных порядков и ковыляли прочь. Скоро плотину прорвёт, и их ряды дрогнут...

Дрогнули куда быстрее, чем предполагалось. Печально. Но даже так их трудно упрекнуть. Можно дать пони оружие, велеть биться за свободу — и многие сложат головы за такой лозунг. Однако умирать, ничего не достигнув, и смотреть, как гибнут друзья, как армия терпит поражение за поражением... это гораздо труднее. Нельзя велеть пони отдавать жизни напрасно. А эквестрийцы только этим и занимаются уже как восемнадцатый месяц.

Гусары продолжали собираться, кружили над головой и рассаживались на плывущие облака. Закованные в пластинчатые доспехи и пузатые латы, с кольчужными попонами и в тяжёлых шлемах. На боках — алые пики раза в два больше владельца, их коронное оружие. Под некоторыми наконечниками трепыхались флажки с красно-белыми цветами Хоршавы.

Эти пегасы отнюдь не походили на своих клаудсдейльских родичей. Жизнь бок о бок с земными пони вывела породу несравненных размеров и силы. И все знатных кровей — поборники той старины, когда государи держали меч, а не перо.

Знакомые лица: друзья, соратники, товарищи, наставники, соперники. Самые седые ещё качали её колыбель, а самые юные учились мастерству под её ударами. Зефир прожила немаленькую жизнь.

И один — возлюбленный муж. Он чуть в отдалении тихо беседовал с Крепышом Яном. Серебристо-белая шерсть короля Голденхуфа виднелась под шлемом, увенчанном короной.

«Голди», — звала она его в лучшие времена. Однако сегодня они не говорили, только бросали друг на друга случайные взгляды. Так продолжалось ровно с тех пор, как их

сыновья погибли; а ведь обоих они взрастили вместе, и взрастили достойно. Оба научены обращаться с пикой и мечом. Оба научены быть народу не владыками, но слугами.

Оба, подстреленные с неба, лежат костями на Нейагарских полях.

К чему слёзы? Никто тут не виноват, только Сомбра. Но на душе легче не становилось. Как же это неправильно, неестественно — пережить собственных детей. Само обстоятельно казалось ей греховным.

Ну, философствовать некогда. Троттингемцы проседали, всё чаще и чаще оборачивались хвостом к врагу, однако тонкая красная линия ещё держалась. Они с Зефир думали одинаково: последний шанс. Если б только удержать врага на достаточный срок, пригорок достанется эквестрийской армии. Сомбра во всём превосходил их, но если б только заполучить высоту и угостить имперца пулей и снарядом...

Лишь на это остаётся уповать. Время. Нужно время.

Смысла медлить не было, как не было и смысла держаться в резерве. Зачем резерв, если завтра армии уже не станет?

— Гусары! — вырвался из её глотки могучий крик.

Она осеклась. Столько всего хотелось сказать, но некогда. О любви к ним: друзьям, наставникам и всем остальным. О глубоких ожиданиях. О гордости. Будь что будет, они встретят грядущее, овеванные славой предков.

Некогда напоминать о наследии. Это в старину, во времена племён, земные пони Хорсшавы звали пегасов «павлинами», «вороньём» и того хуже. Династия Зефир же повернула реку вспять и предложила защиту вместо грабежа. Архангелы — вот кем они стали. Защитниками, героями, святыми в броне.

И они ещё не утратили права называться так.

— Атакуем десятью эскадронами. Всем держаться на расстоянии пятидесяти взмахов. Пики к бою! Вперёд!

Она устремила взгляд вперёд, и каждый ответил тем же: соперники, товарищи, ученики. Всем им, да и ей тоже, осталось жить не более часа. Умирать — это кошмарно и больно; никакой славы, просто пороховой дым и свинец, грязь и черви. Они, однако, хотя бы умрут достойно, а Всевышнее Небо в ином мире вознаградит их. Безграничные облачные просторы, где нет и крупицы земли, ждут.

Даже Ив не отвёл глаз. Только Голденхуф отвернулся, тонкие черты его лица потускнели и омрачились. Он разочаровался что в архангелах, что во Всевышнем Небе. Вид мёртвых сыновей поколеблет любую веру. Он осознал: всё кончится червями; а Зефир поклялась во что бы то ни стало такого не допустить. Вот так разговоры покинули их.

Зефир кивнула ему, он кивнул в ответ. Они – крылатые гусары, а всё остальное уже потом.

Было бы неправильно посылать их на смерть одним-единственным приказом. Ещё хоть пару слов. Хриплый голос Зефир пророкотал вновь:

— Впервые воздев пику над головой, вы поклялись защищать Эквестрию и всех, кто ходит по земле, куда силы не покинут вас. И сегодня, где б вы ни очутились, задайте себе всего один вопрос: *сдержите вы клятву?*

Хочется продолжить. Но времени нет. Троттингемцев сломили, тоненькую красную линию прорвали в нескольких местах – кристальные напирали плотно сомкнутыми рядами. Силы Сомбры с гиканьем и победным рёвом бросились вверх по беззащитным склонам. Вторая Нейагара.

Но глаза Зефир горели огнём, а гусары выстраивались веером по обе стороны. Вот он, шанс! В небе чисто: пегасы Сомбры кинулись в погоню за бегущим неприятелем, пустили в сердце ещё не добытую победу. Эта спонтанная пьянящая зараза расползается от солдата к солдату – убивает осторожность. Они отстрелялись из своих рациональных ружей, но не перезарядились; сломали безупречный строй, поддавшись жажде пленников, добычи и славы.

Зефир предпочла клину широкий фронт. В победе нет нужды, тем паче им это не под силу – только не четырём сотням против армии. Надо только выиграть время.

Прямо как Солнечная гвардия. Интересно, разделит ли она судьбу гвардейцев? И все усилия падут во прах?

Куда ни иди, все дороги ведут на Всевышнее Небо.

Не тронув алой пики на сбруе, Зефир вынула меч, короткий и тяжёлый, воронённый, чтоб не заржавел. Воздела его над головой – и архангелы сорвались с места. Пронеслись над поникшими головами троттингемцев и сквозь гущу вражьих пегасов. Быстро, высоко и так рассредоточенно, что ни одна пара глаз не распознала страшного удара.

Слишком поздно первые ряды осознали угрозу, ибо крылатые гусары, в доспехах и с мечами, точно сошли со страниц книги сказок. Одни кристальные побежали, другие неуклюже завозились с ружьями. О, поздно – ружья стали дубинами, палочками, когда гусары нанизали врага на длинные красные пики!

Ни крупницы солдатской удали не встретило ярость Хоршавы. Четыре сотни пик пронзили смятые ряды, раскололи, как хрупкое стекло. Копьё Зефир обломилось в горле какого бледно-зелёного полукровки. Соседние запаниковали, побросали пустые ружья. Она отсекла одному ногу, и кристальный завалился навзничь с диким воплем.

Не обращая внимания на раненых, она рванула галопом в погоню. Гусары, сложив крылья, не отставали. Преследовали чуть медленнее, зато укрылись живым щитом от огня бесчисленных полков. Ретивые задние ряды уже перезарядились, но держались шатко. Какой-то миг имперцы видели перед собой только бегущих товарищей... и тут ряды схлестнулись. Гусары лихо вклинились в строй.

Натиск кончился – началась свалка. Лишённые пик, хоршавцы налетели на недруга с мечами, топорами и кончарами, прикреплёнными к ногам. Против багинетов в телекинетической хватке те были неуклюжи, но разницу скрашивало мастерство и свирепость. Они дрались как звери, врубались и били крыльями, лягали копытами и полосовали всё вокруг.

Зефир ударила крыльями и оглушила какую-то моложавую кобылу, неумело тыкающую штыком. Багинет обречённо лягнул о стальную кирасу. Зефир обезглавила кобылу, обогнула тело, устремилась к следующему. Повсюду багряно-серый – кровь и серая форма кристальных.

Вон громадная бурая фигура Крепыша Яна: тот валит неприятеля топором, как дровосек молодые деревца. Гром, дымок – он шатается... но не падает, а набрасывается на врага. Удар гигантским копытом наотмашь страшнее любого клинка.

Грохочет всё больше ружей, но они разрозненны и бесполезны. Каждый убитый и раненый гусар забирает с собой десяток серых.

Зефир обрушилась на офицера в лоснящейся чёрной форме с золотыми галунами. Тот вскинул инкрустированную самоцветами саблю – пегаска отшвырнула игрушечку свирепым ударом и раскроила ему череп.

Его охрана побежала. Нет, бегут все! Или отбиваются с отчаянным, бесцельным мужеством. Вон Голденхуф с воздетым копьём, без следа тоски на лице, в ослепительно-сверкающей короне, ведёт гусар в наступление.

Зефир ринулась вслед. Единственное слово пылало в голове, горячее и окроплённое кровью: *победа*. Не так давно удар с воздуха, подобный этому, смёл бы целую армию. Длинные алые пики прорвали бы строй, и враг побежал бы без оглядки, как загнанный кабан на охоте. Как «супремасисты» во времена её отца. Или как псы во времена деда.

Третья линия разом вскинула ружья – грянул залп. Одного гусара резко отбросило назад, но он спешно вернулся в бой. Сталь закрывала его грудь, и сталь отразила свинец.

Зефир вместе с остальными навалилась на новый строй. Дыхание тяжелеет. Багинет пронзил крыло – она скривилась. Полоснула врага по шее и люто взвыла; гром ответил на вой с левого боку. Выстрел в упор разворотил какому-то гусару колено, и тот с криком грохнулся оземь.

«К победе!»

Она отвергла рвущийся клич. Ружьё достанет дальше самой длинной пики. Слишком... слишком много рациональных ружей. Слишком много кристальных, надвигающихся с севера. Слишком много дорог и кораблей.

Никакой победы. И спасения, верно, тоже никакого. Просто очередная напрасная битва, как и многие до неё.

Всё смешалось. Эскадроны рассыпались, смешались с рядами Сомбры. Некоторые до сих пор бежали от диких гусар, но куда больше, с заряженными ружьями и штыками, чеканили шаг навстречу. Палили и кололи, выцеливая уязвимые крылья и шеи.

Хлопок крыльев – и кровавые брызги ударили очередного серого по глазам. Солдат ошеломлённо вскрикнул, и Зефир скрестила клинок с ружьём. Чей-то незамеченный штык оцарапал шлем.

Неважно. Второй удар сбил ослеплённого солдата с ног, а третий добил окончательно. Другой жеребец – кольнувший в шлем – прижал ружьё к телу и попятился назад, но тут же рухнул рядом с товарищем.

Он забрыкался. Зефир нависла над ним и перерезала глотку. Некогда дурачиться – новый багинет щекочет бронированный бок, новая пуля рвёт раненое крыло. Пегаска лишь всхрипнула от вспышки боли.

Повсюду бой. Багряно-бурое марево.

А вон – золото. Сшибленная в грязь, блестит корона на челе мужа. Безжизненно застыло серебристо-белое лицо, залитое кровью.

Дети. Не вспомнят своих предков дети. Какой-то кристальный уже припал к земле, чтобы сорвать с его копыт золочённые подковы.

Вокруг мелькают штыки, визжат пули. Зефир крутится и вертится без передышки, тело само несёт её в гущу яростной сечи.

Им не победить: натиск захлебнулся, а за спинами убитых врагов ждут тысячи новых. Время спасовать – трубить отступление и бежать что есть мочи.

Крепыш Ян... ещё жив. В дыму и огне он пронёсся перед ней. Выстрелы разят броню, из дюжин ран сочится кровь, но мощь его неукротима: бьётся, рубится, дышит!

Зефир устремилась ему вслед, оберегая тылы. Сабля вражеского командира целила Яну в колено, но вместо этого полоснула её по крылу. Зефир отбила клинок.

Крылья ещё работают. Большие, как она сама; вынесут из битвы. Спасти, чтоб сразиться вновь?

Но не будет больше никаких «вновь», когда за спинами Кантерлот. А ещё клятва. Она, как и каждый, принесла клятву.

Они с Крепышом Ян вырвались из рубки. Давка тел ослабла, но не отступила опасность: шеренги, со штыками наготове, надвигались на двух пони неровным шагом. Две дюжины ружей приопустились и дали залп.

Мгновенная смерть. Зефир неотрывно глядела на зияющие дула. Но те вмиг пропали, закрытые бурым крылом в запёкшейся крови: Ян заслонил её телом. Шеренга не медлила. Две дюжины пуль свернули челюсть, изломали ноги, пробили череп – исполин рухнул наземь.

Перемахнув через него, Зефир на крыльях врезалась в самую гущу солдат. Те не опешили – выставленный багинет чуть не проткнул глотку, скользнул под шлем и распорол щеку, оголяя зубы и дёсны.

Зефир отплатила той же монетой, только её удар не прошёл мимо шеи. И шей двух стоявших рядом. Ноги ныли от изнеможения, однако короткий меч делал своё дело.

— *Шея, Зефир. Меть клинком в шею, вот так. Костей-жил мало, косит как траву. Кольнёшь в ногу или грудь – клинок застрянет, и ты мертва.*

Отец. Не десяток дерзких кампаний, а года свели его в могилу. Везунчик. Если это, конечно, называется «везением» – провести последние годы в постели, ходить под себя и медленно забывать былые подвиги.

Ему пели, когда он испустил дух. Сыны и дочери сплотились кругом над дряхлым скелетом, причитали, пели кто во что горазд. В основном мольбы Всевышнему Небу, хотя была и пара горячих боевых.

Зефир взмахнула здоровым крылом, чтобы ударить неприятеля, но зацепила штык. Ружьё ткнулось вперёд – полетели перья, лопнули жилы.

А здесь не песня, не родичи – здесь славный, достойный конец. Воистину нечто!

...Хотя неплохо было б услышать песню. Или, того лучше, увидеть сына. Двух сыновей. Двух неженатых, бедных парнишек. А уже поздно.

Горячие слёзы заструились по лицу Зефир. Не от боли, а за Голденхуфа, Яна, мальчишек... за себя саму. Всё рушится. О конец, такой конец! Конец без нового начала.

Неправда, впереди Всевышнее Небо. Оно ждёт. Зовёт. А даже если Голденхуф был прав и в самом деле нет никакого Неба, это всё равно добрый конец. Достойная кончина для королевы Хоршавской – умереть, отстаивая клятву.

Мир не терял очертаний за пеленой слёз. Вот ружьё, поднятое в тщетной попытке отбиться. Вот летят щепки, когда меч раскалывает ложе надвое, затем вонзается в шею.

Грохот выстрела. Глохнут уши. Нежданно немеет левая нога. Боли нет.

Вот как, значит? Осколки кости движутся, раздирают жилы острыми краями.

Зефир закричала. Как тут не закричишь. Правая нога, в которой клинок, рубанула влево – наградой удару стал вопль.

Взгляд, мутный и меркнувший, метнулся вверх. Само небо побагровело... или глаза обманывают? Салатового цвета пегас взмыл над головами, воздев высоко меч. Крохотный, хрупкий Ив.

— Бейтесь! — взывает он тонким голоском, таким, который подходил больше сопливой кобылке. — Бейтесь! Пусть видят нас алые небеса! Нас, архангелов!

Заплывший взгляд Зефир вернулся на землю. Больше ведь они с Ивом не увидятся. Надо было быть добрее, надо было быть хорошей подругой.

«Молю, пускай всё кончится не так вот, в грязи и червях. Смилуйся, Небо! Они заслужили. Отважные. Скорее умрут храбрецами, чем будут жить трусами».

Тело сражалось, а разум всё твердил мольбы.

«Смилуйся, Небо. Из тартаровой пасти *вырви победу!*»

Всевышнее Небо не заботила победа, но Зефир всё равно продолжала молить. С возрастом приходит рациональность, чтоб её. Но рациональность же способна и спасти положение. Студизусы, крестьяне, кристальные – все равны перед пушкой! И всемогущей высотой... Достаточно ли времени?

Нога повисла плетью. Два крыла ещё работают. Зефир взмахнула ими раз, пронеслась сквозь черноту битвы, приземлилась на плоть. Сцепилась с плотью, снова закричала, когда копыто садануло по раненой ноге. Проткнула неясную серую фигуру коротким клинком.

Как же болит... Нога болит. Нутро скрутило, изо рта исторглась рвота. Но Зефир воспряла. Рыдая, врубилась в серые фигуры.

Меч рассекает воздух. Боль стелит пелену, сотрясает тело. Даже мечом нормально не взмахнёшь. Не поднесёшь к чужой шее.

Новый крик. Это не пони – боль и бессильная злоба кричали в ней, зовя Всевышнее Небо. Ей конец, конец! И она звала сам Тартар, чтобы тот добил её.

Тартар ответил. Жар дула, так близко, что в ноздри забивается вонь пороха. Прямо над оголённой шеей – мясо взорвалось, как раздавленная виноградина.

Не хватает горла и хребта. Драться ещё можно.

Однако выстрел отшвыривает тело. Голова безвольно свисает набок. Зефир всматривается: окровавленные крылья распростёрты в грязи. Такие изодранные, такие грязные – они точно её? Не слушаются.

Голова ещё смыслит, ещё не растеряла рациональности. Ненадолго. В грудь прокрадывается чёрная пустота: дышит могильным холодом, укрывает саваном мир. Звуки гложут. Цвета блекнут.

Зефир угасает.

Что тут скажешь.

Добрая атака. Кто знает, хватит ли времени. Кто знает, запомнят ли их. Запомнят не как пережиток прошлого или дутых рыцарей, нет, но как спасителей. Мучеников.

Архангелов.

Зефир открыла глаза. Голубые небеса, пушистые облака. Земли нет. Всевышнее Небо? Такое одинокое. Стылый воздух. Дыхание вырывается клубами пара.

Она взлетела. Уже неплохо. Но всё равно зябко. Неспешные, размеренные взмахи крыльев переносят её с облака на облако.

Земля дрогнула.

Зефир очнулась, распахнула глаза. Тело не слушается. Так холодно и... влажно?

Кровь. Всё струится из шеи, заливают тело.

Снова дрожь. Шеренга тел в серой форме взорвалась вспышкой огня – свет обжёг потухшие глаза. Десятки изломанных тел подлетели вверх, живые заколебались. Офицер дал одному пощёчину, и они двинулись дальше.

Больше света, больше пламени. Зефир не могла поднять головы, зато могла повернуть. Окровавленный покорёженный шлем соскользнул с гривы. Она глянула вбок: серый прилив поглотил её неуверенно и с потерями, но устремился к гибели Эквестрии. К мечте о мире рабов и господ. К престолу Сомбры.

Новый взрыв. Ещё три. Повсюду разлетаются тела.

Зрение чуть прояснилось. Вершину холма окутала белёсая дымка. Дым всё пыхал и пыхал, да так, что видно было даже отсюда. Больше дыма – больше криков, больше света. Дым сеет хаос, выкашивает суетливую серую толпу.

Как её зовут? Зефир не помнила. Весь мир покрылся пеленой. Как в дурмане. Морозит.

Но рациональность её ещё не покинула.

«Пушки. Отлично, мы подтянули пушки».

Пушки на пригорке. Что ж, дело за арифметическим расчётом.

Она улыбнулась, сама не ведая почему. Рациональность, пропахшая воспоминаниями. Дурацкая улыбка жутко скалится порванной щекой.

Мыслей нет, лишь пара далёких образов. Сильные синие копыта на её крохотном тельце. Улыбка и румянец на серебристо-белом лице. Дремлющий жеребёнок.

Последний глоток воздуха. Тяжесть на веках. Зыбкое, эфемерное чувство.

И... всё.